

На правах рукописи

ИЗОТОВ Андрей Иванович

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Специальность 10.02.03 – славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА
2007

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Всеволодова Майя Владимировна;
доктор филологических наук, профессор
Лилич Галина Алексеевна;
доктор филологических наук, профессор
Городецкий Борис Юрьевич.

Ведущая организация: Институт научной информации по общественным наукам РАН

Защита состоится 13 июня 2007 года в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при Московском государственном университете по адресу: 119992, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан 24 апреля 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

Функционально-семантическая категория императивности вступает в сложное взаимодействие с общей категорией модальности. Императивные высказывания, традиционно и вполне обоснованно относимые к ирреальной модальности (разновидность объективной внешнесинтаксической модальности в концепции Г.А. Золотовой и М.В. Всеволодовой, в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности, то есть имеют непосредственное отношение также и к внутрисинтаксической модальности (в богемистике этот тип модальности принято называть «волюнтативной»). Очевидна взаимосвязь функционально-семантической категории императивности и с такими часто рассматриваемыми в рамках модального комплекса типами значений, как «утверждение/отрицание», «эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания» и, естественно, «целевая установка говорящего».

Поэтому неудивительно, что интерес к проблемам императива и императивности в последние годы растет, отметим коллективную монографию «Типология императивных конструкций» под редакцией В.С. Храковского, монографии Е.И. Беляевой, Й. Крекича, Л.А. Бирюлина, М.Г. Безяевой, переиздание монографии В.С. Храковского и А.П. Володина¹. Ежегодно по тем или иным аспектам проблематики успешно защищаются диссертации (на сайте <http://db.rulib.com/> в разделе по филологическим наукам мы обнаружили ссылки на 47 диссертаций последних лет, в названиях которых содержатся компоненты «императив», «императивный», «побуждение», «побудительный», «директив», «директивный»).

А.В. Бондарко разработаны понятие функционально-семантического поля императивности и понятие императивной ситуации, В.С. Храковским и Л.А. Бирюлиным сформулировано опирающееся на принятое в теории речевых актов трехуровневое содержательное определение побудительного высказывания и исчислены прагматические факторы, влияющие на семантическую интерпретацию побуждения, практически всеми исследователями предлагаются свои варианты семантико-прагматического членения русского массива побудительных речевых актов.

Тем не менее даже для русского материала далеко не все проблемы могут считаться окончательно решенными. Предложенная В.С. Храковским и Л.А. Бирюлиным смысловая структура побудительного высказывания не описывает некоторых социально значимых подтипов побуждения (напри-

¹ Типология императивных конструкций / Под ред. Храковского В. С. – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.; Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.; Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – 241 с.; Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. – Helsinki, 1994. – 229 с.; Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 270 с.; [2-е изд., стереотипное:] М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.; Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 752 с.

мер, *разрешения, предложения, приглашения*). Не охарактеризован лингвистический механизм транспозиции наклонений на уровне функционально-семантических категорий. Сама множественность вариантов классификации побудительных интерпретаций косвенно свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки проблематики.

Следует также отметить своего рода асимметрию обработки чешского и русского материала. В то время как в русистике проблемы побудительной модальности разрабатываются весьма активно, в богемистике императив и императивность рассматриваются, как правило, с явно недостаточной степенью полноты в грамматических описаниях общего характера.

Развитие информационных технологий и средств связи в последние десятилетия сделали возможным широкое распространение корпусных исследований – изучения языковых явлений с помощью электронных корпусов текстов. Полученные в результате обращения к крупным текстовым массивам данные порой противоречат устоявшимся представлениям о функционировании тех или иных языковых единиц. Например, в современных учебниках чешского языка для иностранцев, издаваемых как в России, так и в Чехии, аналитическая императивная конструкция *pojď(te)* + *инфинитив* отмечается гораздо регулярнее, чем аналитическая императивная конструкция *necht'* + *3 лицо презентно-футуральной формы индикатива*. Конструкция с *necht'* игнорируется даже в разделе «Высказывания с побудительной коммуникативной функцией» пражской академической грамматики чешского языка! При этом, однако, оказывается, что в текстах электронных корпусов (в том числе текстах современных) конструкция с *necht'* встречается существенно чаще, чем не маркированная в качестве книжной, однако, как выясняется, недостаточно узуальная конструкция с *pojď(te)*.

Это свидетельствует о целесообразности привлечения корпусных исследований для коррекции и возможного пересмотра существующих грамматических описаний. Отметим в этой связи проводимую в Институте чешского языка Академии наук Чешской республики в сотрудничестве с рядом зарубежных богемистов (в том числе с автором диссертации) работу по подготовке на материале данных электронных корпусов чешских текстов новой академической грамматики современного чешского языка.

Сказанное позволяет считать настоящее исследование **актуальным**.

В качестве основного **источника фактического материала** мы использовали подготовленный в Карловом университете в Праге электронный полумиллиардный «Чешский национальный корпус» (Český národní korpus) и прежде всего входящие в его состав репрезентативные стомиллионные подкорпусы SYN2000 и SYN2005, образуемые текстами, представляющими основные функциональные стили современного чешского языка.

Помимо этого, следуя обычной в богемистике и русистике практике, мы пользовались эксерпциями из художественных произведений чешских и русских авторов XIX и XX вв., примерами из научных и публицистических текстов, из теле- и кинофильмов, видеозаписей спектаклей.

Объектом исследования явился современный литературный язык чешской нации, **предметом исследования** – средства и способы выражения императивной модальности в современных чешских письменных текстах.

Целью предпринятого исследования является ономаσιологически ориентированное описание функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке, что предопределило ряд **конкретных задач** исследования, главными из которых стали следующие:

1. Уточнение содержательной структуры побудительного высказывания с учетом принятого в теории речевых актов трехуровневого представления высказываний.

2. Построение модели функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке на основе актантной рамки предиката, определение ядра и периферии данной категории.

3. Выявление и классификация семантико-прагматических интерпретаций побудительных высказываний в современном чешском языке.

4. Определение полной парадигмы чешского императива, уточнение категориального статуса аналитических императивных образований, в том числе малоупотребительных и маргинальных.

5. Определение чешских глаголов речевой каузации, способных функционировать в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний (базовых типах и их трансформациях).

6. Определение и иерархизация неимперативных средств и способов формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения в современном чешском языке.

7. Определение средств и способов выражения побуждения в рамках устаревших этикетных форм обращения – так называемых «ониканья» и «онканья».

Методы исследования. Мы пользовались прежде всего функциональным и системно-структурным методами, привлекая в ограниченном объеме статистический метод, а также более конкретными методами, связанными главным образом с технической стороной оперирования фактическим материалом: методом непосредственного наблюдения за функционированием побудительных высказываний в рамках минимального дискурсивного окружения; методом сравнения переводов; методом компонентного анализа при описании лексического значения перформативных и иллюку-

тивных глаголов; методом семантико-прагматического анализа при описании побудительных речевых актов; методом лингвистического эксперимента.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые предметом комплексного качественнo-количественного анализа стали средства и способы выражения императивной модальности в современном чешском литературном языке.

Впервые для описания функционирования чешских императивных и перформативных конструкций (основного средства формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения) был привлечен материал полумиллиардного электронного Чешского национально-го корпуса, состав и объем которого обеспечивает объективность полученных выводов.

Впервые был проведен анализ особенностей семантико-прагматического картирования действительности чешским языком в сопоставлении с русским и выявлены различия чешской и русской языковых картин мира в области побудительной модальности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно дает материал для теоретического осмысления взаимодействия компонентов модального комплекса – модальности реальной и ирреальной, внутри- и внешнесинтаксической.

Выявление особенностей семантико-прагматического картирования действительности носителем чешского языка актуально для психолингвистических и социолингвистических исследований.

Построение полной парадигмы чешского императива, в том числе определение категориального статуса и функционального потенциала малоупотребительных и маргинальных конструкций дает материал для дальнейшей разработки типологии императива.

Определение списка чешских глаголов речевой каузации, способных образовывать перформативные высказывания с актуальной коммуникативной функцией побуждения, определение функционального потенциала и стилистической значимости входящих с этот список глаголов находится в русле исследований по проблемам перформативности.

Последовательно проведенное сопоставление чешского материала с русским может использоваться в исследованиях по русистике. Взгляд через призму близкородственного языка позволяет точнее определить структурные связи между элементами языковой системы, проявляет скрытые механизмы функционирования ее элементов.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по теоретической грамматике современного

чешского языка, по синхронно-сопоставительной чешско-русской грамматике, по психо- и социолингвистике, а также в практическом преподавании чешского и русского языков как иностранных.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Побудительным является высказывание, в котором говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*.

2. Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целеустановочной модальности», функционально-семантическая категория императивности вступает в сложное взаимодействие с другими конституентами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волеизъявительной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания, при этом развитие вторичных функций грамматической категории наклонения должно рассматриваться на уровне функционально-семантических категорий.

3. В современном чешском языке функционально-семантическая категория императивности представляет собой конгломерат подкатегорий, выделяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: *категориальная ситуация 1* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим; *категориальная ситуация 2* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему; *категориальная ситуация 3*: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не участвующему в коммуникативном акте.

4. Каждая из трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенционализированными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица / лиц). Между ядром и перифе-

рией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образуемая периферийными типами императивных и перформативных побудительных высказываний.

5. Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру функционально-семантической категории императивности являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современном чешском языке данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив / отглагольное существительное / придаточное предложение*, формирующие иллокутивно специализированные побудительные высказывания.

6. Побудительные высказывания «второго лица» встречаются в текстах на порядок регулярнее, чем инклюзивные побудительные высказывания или побудительные высказывания «третьего лица», не говоря уже о довольно редких побудительных высказываниях, в которых мы наблюдаем иные комбинации говорящего, слушающего и лица / лиц, не являющихся ни говорящим, ни слушающим, в позициях прескриптора и агенса, так что *подкатегория 1* выступает в качестве базовой, по ее образцу строятся прочие конститuentы рассматриваемой категории императивности, а центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности.

7. Помимо морфологического императива в современном чешском языке существует значительное число различающихся узуальностью конструкций, способных рассматриваться в качестве форм аналитического императива, при этом многие грамматические архаизмы и псевдоархаизмы продолжают функционировать в качестве яркого стилистического средства.

8. Носители чешского и русского языков неодинаково структурируют иллокутивное пространство функционально-семантической категории императивности, причем наиболее заметными являются следующие различия: в русской языковой картине мира более дробно структурированным оказывается «авторитарный» сектор, в чешской – сектор, образуемый подтипами побуждения, не содержащими семы необходимости; в русской языковой картине мира «требование» ближе к «приказу».

9. Для чешского речеупотребления в заметно большей степени, чем для русского, характерна иллокутивная неопределенность (многозначность) побудительного высказывания.

Апробация. Результаты проведенных исследований обсуждались в виде научных докладов и сообщений на заседаниях кафедры славянской фи-

лологии филологического факультета МГУ, на Ломоносовских чтениях в МГУ (1996; 1997, 1999, 2000, 2001, 2005), на международном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2001), а также на 18 международных научных конференциях: «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, МГУ, 1994; 1995), «Терминологические чтения Российского терминологического общества» (Москва, МГУ, 1994; 1995; 1996; 1997; 1998), «Язык и мир его носителя» (Москва, МГУ, 1995), «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, МГУ, 1996), «Язык, литература, культура: традиции и инновации» (Москва, МГУ, 1996), «Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания» (Москва, МГУ, 2001), «Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы» (Москва, МГУ, 2003), «Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы» (Оренбург, ОГУ, 2004), «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, РГПУ, 2005, 2006), «Грамматика и корпус» (Прага, Академия наук Чешской республики, 2005), «Русский язык: Система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы)» (Минск, БГУ, 2006), «Актуальные вопросы современного университетского образования» (Санкт-Петербург, РГПУ, 2006).

Результаты исследований учитываются в читаемых автором диссертации для студентов-богемистов филологического факультета МГУ спецкурсах «Корпусная лингвистика в Чехии», «Теория речевых актов и современное чешское речеупотребление», а также спецсеминарах «Чешский глагол» и «Обиходно-разговорный чешский язык в художественной литературе и кинематографе».

Концепция и основное содержание диссертации отражены в 65 публикациях, включая 2 монографии, раздел коллективной монографии, а также 7 статей в ведущих рецензируемых научных журналах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников фактического материала, списка использованной и цитируемой литературы, включающего 448 наименований. Общий объем диссертации 407 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяется предмет и объект диссертационного исследования, раскрываются его цели и задачи, характеризуются методы исследования и использованный фактический материал, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные выносимые на защиту положения.

В первой главе «Структура функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке» определяется понятие побудительного высказывания, предлагается вариант семантико-прагматического картирования императивности в современном чешском языке.

В разделе 1.1. обсуждаются концепция А.В. Бондарко, вводящего понятие *императивной ситуации, категориальной (прямой) и некатегориальной (косвенной) императивности*, принципы классификации речевых актов в классических работах Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля, А. Вежбицкой, а также концепция Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского, которые, опираясь на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний, предлагают модель структуры содержания побудительного высказывания, учитывающую: 1) план прескрипции (= иллюкутивный акт), который включает прескриптора, получателя прескрипции и исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает говорящего, слушающего / слушающих (= получателя / получателей прескрипции) и лицо / лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие и его агенса (= исполнителя прескрипции).

Обосновывается необходимость осложнения предлагаемой Л.А. Бирюлиным и В.С. Храковским модели, прежде всего за счет введения в нее компонента *возможность*.

В итоге в качестве *побудительных* в диссертации рассматриваются высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что 'воздержание от действия' также является своего рода 'действием'; равно как 'сообщение о необходимости' или 'сообщение о возможности' может значить не только 'необходимость' или 'возможность', но и 'отсутствие необходимости' или 'отсутствие возможности'.

Предлагаемая в диссертации модель структуры функционально-семантической категории императивности базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке представлена как конгломерат подкатегорий, вычленимых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих кате-

гориальных ситуаций: **категориальная ситуация 1** – прескриптор побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим («побуждение второго лица»); **категориальная ситуация 2** – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему («инклюзивное побуждение»); **категориальная ситуация 3**: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не являющимся ни говорящим, ни слушающим («побуждение третьего лица»).

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности или необходимости этого действия, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица / лиц). Образующие такое ядро конструкции должны быть регулярно употребительными и стилистически немаркированными. Между ядром и периферией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образованная периферийными типами иллокутивно универсальных и иллокутивно специализированных конструкций. Центр подкатегории, выделяемой на основе **категориальной ситуации 1**, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности. Иллокутивно специализированные побудительные высказывания образуются с помощью эксплицитных перформативных конструкций и их трансформаций, иллокутивно универсальные – с помощью конструкций с формами императива.

В разделе **1.2.** обсуждаются проблемы семантико-прагматической классификации побудительных высказываний. Рассматриваются взгляды М.В. Косиловой, И.С. Андреевой, Ц. Саранцацрал, А.Н. Баранова, Л.А. Бирюлина, В.С. Храковского и А.П. Володина, Е.А. Филатовой, Л.Г. Панина, Л.А. Сергиевской, Дж.Р. Серля, А. Вежбицкой, Г. Флидровой, М. Грелла, П. Карлика и др.

Мы считаем целесообразным сгруппировать традиционно выделяемые семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний в современном чешском языке следующим образом:

- интерпретации, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*: условно **rozkaz** ('приказ'), **dovolení** ('разрешение'), **instrukce** ('инструкция');
- интерпретации, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: условно **prosba** ('просьба');

- интерпретации, маркированные по признаку *индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*: условно *rada* ('совет');
- интерпретации, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: условно *návrh* ('предложение').

Названные интерпретации представляют собой абстракции, способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку (например, *rozkaz* может развернуться в ряд *rozkaz, příkaz, příkázání, povel...*).

В разделе 1.3. анализируются семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*, которые естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что обуславливает эту высокую вероятность:

- 1) условно *rozkaz* ('приказ');
- 2) условно *dovolení* ('разрешение');
- 3) условно *instrukce* ('инструкция').

Между названными группами нет четких границ: *zákaz* ('запрет') соотносится и с *приказом*, и с *разрешением*; *pokyn* ('указание') как разновидность *приказа* может перерасти в *инструкцию* и т.д.

В случае с «авторитарными» побудительными высказываниями побуждение направлено «сверху вниз», говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат выполнит (попытается выполнить) каузируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности прескриптора применить по отношению к агенту санкции.

В чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, в частности, свидетельствует обычность сочетания *naléhavý rozkaz* в чешских лингвистических текстах. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксюморонный характер – там, где у говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*. Мы полагаем, что если в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершенное действие, в чешской он может пониматься и как растянутый во времени процесс.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации (*příká-*

zat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídít // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat), эти чешские глаголы, как показывают контексты их употребления, синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен **заказ**. В качестве обоснования его выделения обычно отмечают обстоятельство, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения – ресторан, магазин, бюро обслуживания. В русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычленяется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он нередко использует в составе интерпретирующего предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения **приказа**.

В качестве особой функциональной разновидности **приказа** следует рассматривать **команду (повел)**, которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения.

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено **указание (рокуп)**, так же, как и **команда**, характеризующееся суженной сферой употребления.

Элементом «авторитарного» участка чешского поля императивности, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *parotnutí* («одергивание» букв. «напоминание»). О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.»²

Прохибитивным коррелятом **приказа** является **запрет**, т.е. своего рода приказ с отрицанием. При этом **запрет** выступает как прохибитивный коррелят не только **приказа**, но и **разрешения**. Общим признаком, объединяющим **запрет** и **разрешение**, является авторитарная позиция говорящего – его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение).

Обозревая в целом средства и способы экспликации «авторитарного» побуждения в современном чешском языке, следует отметить большую, чем для побудительных высказываний в целом, узуальность побуждения через экспликацию действия или его последствий и меньшую – через экспликацию необходимости или возможности.

² Müllerová O. Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – S. 69.

К релевантным интерактивным условиям семантико-прагматической интерпретации *dovolení* ('разрешение') можно отнести следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предвещает возможную просьбу адресата, очевидную из контекста. Речевой акт *разрешения* не содержит, в отличие от большинства речевых актов побуждения, семы *необходимости* каузируемого действия.

Побудительные интерпретации типа *instrukce* ('инструкция') обособляются от рассматриваемых выше интерпретаций прежде всего тем, что не предполагают (хотя, естественно, и не исключают) непосредственного контакта прескриптора и агенса. Кроме того, речь идет, как правило, о каузации не единичного действия, а совокупности действий, воспринимаемой, впрочем, в качестве некоего единого комплекса, ср.: *Sednete na tramvaj číslo deset, pojedete na náměstí, tam přeseďte...* 'Садитесь на трамвай номер десять, доезжаете до площади, там пересажаете...'

Следует отметить два типа инструкций: *instrukce*₁, когда прескриптором выступает некая инстанция либо облеченное полномочиями лицо, предписывающая сила которых касается регулирования норм служебного или социального поведения агенса (например, *служебная инструкция*), и *instrukce*₂, когда в роли прескриптора выступает эксперт (группа экспертов), определяющий оптимальную модель поведения агенса с целью лучшей организации определенных видов деятельности.

Отметим, что постулируемое в специальных исследованиях отсутствие для *инструкции* прагматической презумпции 'за неисполнение приказа адресат будет наказан' и наличие презумпции 'в случае нарушения инструкции адресат может понести убытки'³ касается *инструкции*₂, но не *инструкции*₁. Именно об *инструкции*₂ речь идет и в известной работе А. Вежбицкой⁴.

В качестве функциональной разновидности *instrukce*₂ с ограниченной сферой употребления мы склонны рассматривать *recept* ('рецепт').

В разделе 1.4. анализируются семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*. Речь идет

³ Ср. Филатова Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – С. 116.

⁴ Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 269.

прежде всего о семантико-прагматических интерпретациях *prosba* ('просьба'), *zaklinadlo* ('заклинание'), *zapřísahání* ('мольба'), *domluva* ('убеждение'), *přemlouvání* ('уговаривание'), *žádost* ('требование'), *požadavek* ('требование'), *naučení* ('наставление, поучение').

Поскольку императивность в узком смысле основывается на авторитарной позиции говорящего, на том, что одной его воли вполне достаточно для того, чтобы исполнение каузируемого действия стало для исполнителя обязательно, обоснование побуждения может рассматриваться как «снижение императивности».

Просьбу мы склонны рассматривать в качестве основного подтипа данной группы. В текстах SYN2000 в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины (248 из 472) побудительных высказываний данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой.

Семантико-прагматическая интерпретация *domluva* ('убеждение') характеризуется, как мы считаем, прагматической пресуппозицией 'адресат противится выполнению действия'. Многократная *domluva* перерастает в *přemlouvání* ('уговаривание'), при этом пресуппозиция 'адресат противится выполнению действия' закономерно усиливается.

Семантико-прагматические интерпретации *domluva* и *přemlouvání* способны приобретать коннотацию 'действие совершается в интересах исполнителя', что, безусловно, сближает их с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *rada* ('совет').

В качестве *zapřísahání* ('мольба') мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, при этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов говорящего, мотивирующих необходимость осуществления каузируемого действия.

Для русского языка мы различаем *заклинание*₁ (магическую процедуру) и *заклинание*₂ (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира *заклинанию*₁ соответствует *zaklinadlo*, а *заклинанию*₂ – *zapřísahání*.

В случае с интерпретацией *zaklinadlo* высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы. Тем самым *zaklinadlo* сближается с «авторитарными» побудительными речевыми актами. Если же говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным.

Вне мира волшебства *zaklinadlo* близко к *zapřísahání* и характерно для патетически возвышенного способа выражения.

Žádost ('требование') мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от *просьбы*) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Вслед за Ю.Д. Апресяном мы видим существенную особенность *требования* (в отличие от *приказа, запрета, позволения* и *просьбы*) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него⁵.

В чешской языковой картине мира различия между *требованием* и *просьбой* не столь очевидны, как в русской. Нередки случаи, когда один и тот же побудительный речевой акт может быть охарактеризован и как *prosbá*, и как *žádost*, ср., например: *Poprosil je o souhlas, avšak konšelé se rozhněvali nad jeho opovázlivostí a žádost hned napoprvé zamítli.* (Cibula V. O paláci Kinských).

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* ('наставление, поучение'), которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. Говорящий считает себя вправе направлять действия исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету – к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т.п.

Обозревая в целом средства и способы экспликации побуждения, маркированного по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия* в современном чешском языке, следует отметить большую, чем для «авторитарных» побудительных высказываний, узуальность побуждения через экспликацию необходимости или возможности и меньшую – через экспликацию действия или его последствий.

В разделе 1.5. анализируются семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний, маркированные по признаку *индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*. Это прежде всего такие семантико-прагматические интерпретации, как *rada* ('совет'), *doporučení* ('рекомендация'), *varování*

⁵ Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. – С. 22.

(‘предостережение’), *výstraha* (‘предостережение’), *vyhrůžka* (‘угроза’), *vydírání* (‘шантаж’), *upozornění* (‘предупреждение’).

Апелляция к интересам исполнителя может рассматриваться как дальнейшее, по сравнению с обоснованием побуждения, «снижение императивности». Основными в данной группе побудительных интерпретаций следует считать, безусловно, *rada* (‘совет’) и *varování* (‘предостережение’). Мы склонны согласиться с Дж.Р. Серлем, рассматривавшим предостережение как «доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С», а совет – как «доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам»⁶.

В побудительных высказываниях рассматриваемого типа на передний план выступает понятие *полезности* (*пользы*, *бенефактивности*) каузируемого действия, присутствующего, естественно, и в побудительных речевых актах иных типов.

Взаимная соотношенность интерпретаций *rada* (‘совет’) и *varování* (‘предостережение’) в чешском языке, как и в русском, очевидна, ср.: *Variji tě, abys tam chodil!* / *Neradím ti, abys tam chodil!* = *Radím ti, abys tam nechodil!* ‘Я **предостерегаю** тебя от похода туда’ / Я **не советую** тебе туда ходить = Я **советую** тебе туда **не** ходить’.

Между русским и чешским *советом* много общего, и это вполне закономерно, так как речь идет об одной из наиболее социально значимых побудительных интерпретаций, различия же между ними мы склонны видеть в следующем:

Совет представляет по своей сути вторжение в личностную сферу собеседника: советующий навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета (здесь *совет* способен смыкаться с *убеждением* и даже с *приказом*). Чех бережет свою личностную сферу от посягательств извне гораздо бережнее, чем русский, и сам более деликатен в отношении личностной сферы собеседника, поэтому чешский *совет* (если, конечно, это не замаскированное *требование* или *просьба*) в целом менее настоятелен, чем русский.

Под *предостережением* (*varování*, *výstraha*) понимается такое побуждение, неисполнение которого может иметь для адресата неблагоприятные последствия. Если в качестве этих последствий подразумеваются какие-либо санкции говорящего по отношению к адресату, можно говорить о перерастании *предостережения* в *угрозу* (*vyhrůžka*). Серьезность санкций может превратить *угрозу* в *шантаж* (*vydírání*).

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, нельзя не отметить того обстоя-

⁶ Searle J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. – London, Cambridge University Press. 1969. – P. 67.

тельства, что в то время как для *совета* или *рекомендации* в целом характерно то же распределение средств и способов побуждения, что и для большинства побудительных речевых актов (при заметно большей нагруженности моделей, связанных с экспликацией необходимости или возможности каузируемого действия), при выражении *предостережения* (*varování*) и особенно *предупреждения* (*upozornění*) говорящий нередко избегает не только конструкций с синтетическим или аналитическим императивом или перформативом, но и «стандартных» способов экспликации побуждения (через экспликацию действия, экспликацию возможности или необходимости, экспликацию волеизъявления).

Раздел 1.6. посвящен семантико-прагматическим интерпретациям побуждения, не маркированным по рассмотренным выше признакам. Это *nabídka, návrh, vybidnutí, pozvání, výzva*.

Побудительные речевые акты данного типа не содержат в своей смысловой структуре семы *необходимости*.

Следует отметить, что чешский язык структурирует данный участок поля императивности более подробно, чем русский.

Так, для русского языка можно выделить *предложение*₁ (говорящий не только каузирует действие, но и берет на себя определенные обязательства – речь идет, таким образом, о гибридном речевом акте, совмещающем в себе признаки директива и комиссива) и *предложение*₂ (чистый директив).

Современный чешский язык различает эти понятия лексически: русскому *предложению*₁ соответствует *nabídka*, *предложению*₂ – *návrh* и *vybidnutí*.

Далее, *предложению*₂ в чешском также соответствуют два подтипа: *návrh* и *vybidnutí*, последовательно выделяемые в чешских работах⁷. Различия между этими двумя подтипами побуждения мы склонны видеть в следующем: *vybidnutí* представляет собой «каузацию действия в чистом виде», то, что Е.В. Падучева называет *простым побуждением*⁸, тогда как *návrh* не исключает (хотя далеко не всегда содержит!) коннотации ‘каузируемое действие может быть полезно для адресата’ (не случайно в пражской академической грамматике чешского языка этот подтип рассматривается в одном параграфе с *советом*).

⁷ Ср. Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – S. 75-77; Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – S. 342-343; Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – S. 600, 607].

⁸ Ср. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 79.

К предложению ₁ близко *приглашение* (*rozváňí*), характеризующееся, по нашему мнению, пресуппозицией ‘говорящий правомочен обеспечить выполнение адресатом каузируемого действия’.

Отсутствие маркированности по признаку уверенность / неуверенность в праве побуждать (ср. маркированные *приказ, команда, требование, просьба*) и по признаку бенефактивность (ср. маркированные *совет, предостережение*) сближает *предложение* с *призывом*, для которого характерна, по нашему мнению, своего рода неконкретность, временная и персональная нелокализованность, *призыв* адресован как бы всем и каждому.

Иногда к релевантным условиям *призыва* относят также определенную степень его социальной или этической мотивированности – каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом: *Соблюдайте чистоту! Будьте взаимно вежливы!*⁹, и тогда *призыв* оказывается, таким образом, тоже маркированным – по признаку *бенефактивность*. Гораздо чаще, однако, побуждение квалифицируется в тексте (письменном и устном) в качестве *призыва* тогда, когда автор не хочет конкретизировать, какой именно функциональный подтип побуждения имеется в виду, или же когда это не так уж и важно¹⁰. В речеупотреблении чешском подобное использование лексем *vůzva, vyzvat* – явление обычное.

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, следует отметить меньшую, по сравнению с многими другими типами побуждения, употребительность конструкций с синтетическим императивом и относительно высокую нагруженность моделей, связанных с обращением к экспликации возможности каузируемого действия, а также экспликации самого каузируемого действия.

В разделе 1.7. рассматриваются иллокутивно недифференцированные побудительные высказывания. Поскольку прототипическим вариантом директивного иллокутивного акта является акт побуждения с обобщенной семантикой, не сводимой ни к одному из перформативных или иллокутивных глаголов типа *приказывать, просить, советовать...*, весьма нередко возможность обращения к такому недифференцированному побуждению оказывается кстати, так как порой «даже говорящий может не иметь ясного

⁹ Ср., например, Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – S. 217, *Золотова Г. А., Ошепенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. – С. 313-314.

¹⁰ Ср. употребление в качестве общеродовых терминов *призыв, призывная функция* в *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава: AV, 1960. Ч. 2. – С. 491; *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – С. 467; *Русская грамматика.* – Прага: Academia, 1979. – С. 193.

представления о своих собственных намерениях»¹¹. Существует множество ситуаций, когда иллокутивную силу побудительного речевого акта однозначно представить вообще невозможно. Часто подобная многозначность изначально замысливается говорящим.

По нашему наблюдению, недифференцированность побуждения характерна для чешского речеупотребления в значительно большей степени, чем для русского.

Во **второй главе** «Центральная подкатегория функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке» рассматриваются базовые, периферийные и маргинальные способы образования побудительных высказываний второго лица в современном чешском языке.

Раздел **2.1.** посвящен базовым типам иллокутивно универсального побуждения 2 лица. В современном чешском языке, как и в современном русском, в качестве основного средства выражения побуждения выступают конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа, обозначая наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию.

Конструкции с синтетическим императивом 2-го лица встречаются во всех типах представленных в SYN2000 текстов, при этом употребление форм ед. числа более характерно для беллетристики, в форм мн. числа – для специальной литературы.

В разделе **2.2.** рассматриваются периферийные типы иллокутивно универсального побуждения 2 лица – аналитические императивные конструкции. Это сочетания *a'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива, *a'* + 1 лицо презентно-футуральной формы индикатива, *necht'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива; *bud'(iž) / bud'te(ž)* + краткое страдательное причастие; *a'* + инд. наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие; *pojď(te)* + инфинитив; *běž(te)* + инфинитив; *koukej(te)* + инфинитив; *hleď(te)* + инфинитив; *chraň(te) se* + инфинитив; *opovaž(te) se* + инфинитив; *varuj(te) se* + инфинитив, *raď(te)* + инфинитив.

Употребительность подобных аналитических конструкций, впрочем, в текстах SYN2000 и SYN2005 на два, а то и на три-четыре порядка ниже – речь идет не о десятках тысяч примеров (как в случае с синтетическими императивными формами), а о сотнях, десятках, а то и о единицах.

Конструкция *a'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива встречается достаточно регулярно (нами было обнаружено 747 примеров в

¹¹ Palmer F. R. Semantics. A new outline. – Moscow, 1982. – P. 88.

текстах SYN2000 и SYN2005), ср.: *Hezky poděkuj, a už at' jsi pryč.* <SYN2000>.

Употребительность конструкций *necht'* + *презентно-футуральная форма индикатива 2 лица* существенно ниже (всего 4 примера в обоих подкорпусах), ср.: *A ještě něco; zlobíte-li se na mne jako na člověka (běda, nevím proč!), necht' se na mne nezlobíte jako na literáta.* <SYN2005>.

Особо следует оговорить конструкцию *at'* + *презентно-футуральная форма индикатива 1 лица ед. числа*. В SYN2000 было обнаружено 72 примера подобных конструкций, способных интерпретироваться в качестве формы аналитического императива. Мы были бы вправе ожидать, что эта конструкция специфицирована для выражения автопрескрипции, когда говорящий является адресатом собственного волеизъявления и исполнителем действия¹². Однако примеры с этой конструкцией, которые можно было бы интерпретировать как автопрескрипцию, в текстах SYN2000 хотя и возможны, но единичны, ср.: *Když už něco dělám, tak at' to dělám pořádně.* <SYN2000>. Гораздо чаще эта конструкция встречается в непобудительных желательных высказываниях, ср.: *At' se vzbudím a zjistím, že to byl všechno jenom zlý sen.* <SYN2000>. Еще чаще данная конструкция используется для выражения побуждения 2 лица, ср.: *Už at' tě tam nevidím!* <SYN2000>. Речь идет о побуждении через экспликацию результата каузализуемого действия. Это, по нашему мнению, не мешает рассматривать данные конструкции в качестве форм аналитического императива, так как нечто подобное возможно и в случае с эталонными синтетическими императивными формами 2 лица, ср. русские примеры *He upadu! He простудись!* и т. д. (поскольку глаголы 'упасть' и 'простудиться' обозначают неконтролируемое действие, подобные побудительные высказывания означают 'Веди себя так, чтобы минимизировать опасность падения, простуды и т.д.'). Следует отметить употребительность подобных конструкций в сказках, фантастических историях и анекдотах, когда исполнителем побуждения является некий фантастический субъект (волшебная шапочка, золотая рыбка и т.д.), ср.: *Pomyslí si: At' jsem na zámku, a byl na zámku. ... Myslí si Pankrác: At' jsem hned pryč. At' tu nejsem! a kdovíco ještě, ale klobouček mu na hlavě nesedí a nic se mu neplní.* <SYN2000>. Наконец, чаще всего данная конструкция используется в составе непобудительных высказываний в контекстах типа русского *propadu я пропадом, если...*, ср.: *At' se propadnu, jestli vypadáte v pořádku.* <SYN2000>.

¹² О проблеме выделения императивных форм 1 лица ед. числа в русском языке см. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 195-197.

Яркой отличительной чертой чешской императивной системы является наличие в ней аналитических образований *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*, традиционно рассматриваемых в чешских грамматиках в качестве **страдательных императивных форм**¹³. Подобные конструкции регулярно используются в современном чешском речепользовании для экспликации побуждения (пожелания), ср.: ***Bud' uvalen zákaz dodávek na všechna moře, bud'te Mloci postaveni mimo zákon, bud'te prokleti a vyloučeni z našeho světa, bud' utvořena Liga národů proti Mlokům!*** <SYN2000>.

В текстах SYN2000 и SYN2005 было обнаружено 417 примеров употребления варианта с элементом *bud'*, 802 примера с элементом *budiž*, 248 примеров с элементом *bud'te* и 6 примеров с вариантом *bud'tež* (элементы *bud'* и *bud'te* – синтетические императивные формы глагола *být* ‘быть’ единственного и множественного числа соответственно, элементы *budiž* и *bud'tež* – они же, но в архаизованной огласовке).

Хотя все четыре варианта данной конструкции могут употребляться в составе побудительных (желательных) высказываний и второго, и третьего лица, существует определенная предпочтительность их выбора. Вариант *bud'te + краткое страдательное причастие* отмечен почти исключительно в составе высказываний второго лица. Варианты *budiž + краткое страдательное причастие* и *bud'tež + краткое страдательное причастие* встречаются почти исключительно в высказываниях третьего лица.

Наряду с конструкцией *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие* в качестве формы аналитического страдательного императива должна рассматриваться также и конструкция *at' + индикатив наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие*, представленная в текстах SYN2000 и SYN2005. О функциональной соотносительности данных аналитических конструкций свидетельствует, в частности, тот факт, что обе они используются для перевода на чешский язык латинских страдательных глагольных форм. В частности, в текстах SYN2000 представлены оба варианта чешского перевода известного латинского выражения *Audiat et altera pars*: <*At' je slyšena*> *i druhá strana*; <*Budiž slyšena*> *i druhá strana*.

Следует, однако, отметить, что употребительность конструкции *at' + индикатив наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие* существенно ниже употребительности функционально с ней соотносимой конструкции с *bud'(iž) / bud'te(ž)* и если для выражения побуждения 3 лица данная конструкция используется достаточно регулярно, для выражения побуждения 2 лица она практически не употребляется: в обоих

¹³ Ср. Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – S. 336.

подкорпусах нами обнаружен единственный пример: *Běžte, signoro, rychle, at' jste už převlečeny* <SYN2000>.

Конструкция *pojd'(te)* + *инфинитив* (обнаружено 410 примеров в SYN2000 и 899 примеров в SYN2005) используется в современном чешском языке не только для выражения иллокутивно универсального побуждения 2 лица, но также и для инклюзивного побуждения. Тем самым возникает грамматическая омонимия: конструкции типа *pojd'te se podívat* могут означать и 'посмотрите-ка' (побуждение 2 лица), и 'давайте посмотрим' (инклюзивное побуждение). В результате однозначно о побуждении именно 2-го лица можно говорить лишь в случаях, когда оно маркируется еще каким-либо образом (например, когда говорящий мыслится не как субъект, а как объект каузируемого действия (первый из приведенных далее примеров), либо когда восприятию говорящего в качестве одного из субъектов каузируемого действия препятствует лексическое значение смыслового глагола (второй пример), ср.: *Vezmu bič, rozrazím dveře a zařvu: "Tak mě pojd' zmlátit!"* <SYN2000>; *Hrabala z druhé strany, panebože, kdybychom si ulámaly prsty, s tímhle nehmem, utrhlo se to ve velkých kusech, pojd'te někdo pomoct, lidi, prosím vás, honem, Hugo je pod tímhle balvanem, ten neodvalíme samy.* <SYN2000>.

Кроме того, может оживляться внутренняя форма конструкции *pojd'(te)* + *инфинитив*, возникшей в результате семантического сближения начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности ('пойди/пойдите посмотреть'). Подобное оживление внутренней формы件 невозможно лишь в тех случаях, когда этому препятствует лексическое значение смыслового глагола, ср.: *Nebud'te chudobní, pojd'te zbohatnout.* <SYN2000>.

Высокая частотность конструкции *pojd'(te)* + *инфинитив* поддерживает возможность функционирования сочетания *běž(te)* + *инфинитив* с формой тематически близкого глагола в качестве аналитической императивной конструкции (обнаружен 161 пример в SYN2000 и 462 примера в SYN2005).

Отметим, что в то время как конструкция *pojd'(te)* + *инфинитив* используется не только для выражения побуждения 2-го лица, но и для инклюзивного побуждения, конструкция *běž(te)* + *инфинитив* используется исключительно для выражения побуждения 2-го лица, ср.: *Beníku, běž si sednout a hraj!* <SYN2000>.

Достаточно употребительными в современных чешских текстах являются и конструкции *koukej(te)* + *инфинитив* (137 примеров в SYN2000 и 404 примера в SYN2005), ср.: *Nežvaňte a koukejte se procházet!* <SYN2000>.

Подобно тому, как употребительность конструкций *běž(te)* + *инфинитив* поддерживается высокой частотностью конструкций *pojd'(te)* + *инфинитив*, к конструкциям *koukej(te)* + *инфинитив* примыкают менее употребительные конструкции с тематически близким глаголом *hled'(te)* + *инфинитив* (57 примеров в SYN2000 и 135 примеров в SYN2005), ср.: *A hled' to přinést, než se vrátí otec.* <SYN2000>. При этом в то время как конструкции *hled'(te)* + *инфинитив* оформлены единственным или множественным числом в приблизительно равном количестве случаев, для конструкций *koukej(te)* + *инфинитив* характерно прежде всего единственное число. Это, безусловно, связано с тем, что конструкции *koukej(te)* + *инфинитив* в большей степени маркированы как разговорные – множественное число употребляется не только при обращении к нескольким лицам, но и при обращении «на вы» к одному лицу, а «выканье» для стилистически сниженной речи подходит гораздо меньше, чем для речи нейтральной.

Особо следует оговорить чешские конструкции *rač(te)* + *инфинитив* (239 примеров в SYN2000 и 385 примеров в SYN2005), в современном речепотреблении уместны лишь в особых ситуациях (в устах распорядителя на торжественном приеме, официанта в дорогом ресторане, священнослужителя во время молитвы и т.д.), ср.: *Pane Bože, rač nám požehnati těchto darů, které nyní z ruky tvé štědré požívati budeme!* <SYN2000>.

Формы *rač(te)*, в отличие от форм *běž(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te)* *se*, *opovaž(te)* *se*, в составе рассматриваемых конструкций могут присоединять к себе отрицание, что свидетельствует о большей семантической самостоятельности этой формы в составе аналитической конструкции.

Упомянутые в пражской академической грамматике формы *chraň(te)* *se*, *opovaž(te)* *se*, *varuj(te)* *se* в составе рассматриваемых конструкций неупотребительны и в текстах SYN2000 и SYN2005 представлены единичными примерами, ср.: *Ale on mi řekl: "Chraň se to udělat!"* <SYN2000>; *Dobře, nebudu tě už víc přemlouvát, ale opovaž se za mnou přijít, až si zlámeš kosti.* <SYN2000>; *A varuj se příležití, třeba tě Cesare, hlupák, pozval!* <SYN2000>.

Упомянутые в пражской академической грамматике в качестве аналитических императивных конструкции *střež(te)* + *инфинитив* в подкорпусах SYN2000 и SYN2005 нами не зафиксированы.

В разделе 2.3. рассматриваются базовые типы иллокутивно специализированного побуждения 2-го лица – конструкции с перформативными глаголами. Так же, как и в случае с иллокутивно универсальным побуждением, речь идет о категориальной императивности, поскольку главной (а в большинстве случаев и единственной) функцией высказываний рассматриваемого типа является именно экспликация побуждения, однако в отличие

от императивных побудительных высказываний, побудительные высказывания перформативные за пределами письменного официально-делового общения достаточно малоупотребительны. Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой чешском материале перформативные высказывания (включая периферийные типы) составляют около 2% побудительных высказываний. Вслед за Дж.Л. Остином мы различаем *эксплицитные* перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им *имплицитные* (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!* Таким образом, рассматриваемая нами *перформативность* оказывается шире *коинциденции* Э. Кошмидера, с которой она иногда соотносится. Это в определенном смысле обусловливается внутренней формой обоих терминов. В то время как *коинциденция* декларирует совпадение описания действия и выполнения этого действия, *перформативность* декларирует их тождество (произнесение определенных слов является выполнением определенного действия), что, в частности, позволяет Ю.Д. Апресяну, выдвинувшему тезис о приоритете перформативной формулы над перформативным глаголом, рассматривать в качестве перформативных такие высказывания, как *Прости!* (эквивалент высказывания *Прошу у тебя прощения*), *Честное слово!* (эквивалент *Даю тебе честное слово*), *Спасибо!* (эквивалент *Я благодарю*) и т. п.¹⁴, о коинцидентальности которых говорить не приходится. Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное¹⁵.

Материал Чешского национального корпуса, а также привлеченные художественные тексты позволили нам дополнить список «директивных» (*direktivní*) и «комиссивно-директивных» (*závazkově-direktivní*) чешских перформативных глаголов, составленный М. Хиршовой¹⁶ (добавленные нами глаголы подчеркнуты): *doporučovat* ‘рекомендовать, советовать’; *dovolovat* ‘позволять, разрешать’; *hlásit se* ‘вызываться’; *nabádat* ‘побуждать, призывать’; *nabízet* ‘предлагать’; *napomínat* ‘делать замечание’; *nařizovat* ‘предписывать, приказывать, давать распоряжение’; *navrhovat* ‘предлагать’; *objednávat* ‘заказывать’; *obsílat* ‘вызывать’; *odporučovat* ‘рекомендовать’; *pobízet* ‘побуждать, понукать’; *poroučet* ‘приказывать, командо-

¹⁴ Ср. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 199, 203.

¹⁵ Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – С. 10-11.

¹⁶ См. Hirschová M. Jaké poznatky o ilokučních slovesech lze z korpusu získat? // Korpus jako zdroj dat o češtině / Ed. Karlík P. – Brno: Masarykova univerzita, 2004. – S. 100.

вать, распоряжаться'; *pověřovat* 'уполномочивать'; *požadovat* 'требовать'; *prosít* 'просить'; *přihlašovat se* 'делать заявку'; *přikazovat* 'приказывать, распоряжаться'; *přimlouvat se* 'ходатайствовать'; *připomínat* 'напоминать'; *ptát se* 'спрашивать'; *radit* 'советовать'; *rozkazovat* 'приказывать, велеть'; *schvalovat* 'одобрять, соглашаться, утверждать'; *tázat se* 'спрашивать'; *ukládat* 'поручать'; *upozorňovat* 'предупреждать, предостерегать'; *varovat* 'предостерегать, предупреждать'; *velet* 'командовать'; *volat* 'звать, призывать'; *vybízet* 'предлагать'; *vyprošovat si* 'выпрашивать, испрашивать'; *vyzývat* 'вызывать, призывать, приглашать, требовать'; *zakazovat* 'запрещать, воспрещать'; *zaklínat* 'заклинать'; *zamlouvat si* 'заказывать'; *zapovídat* 'запрещать, воспрещать'; *zapřísahat* 'заклинать, умолять'; *zvat* 'звать, призывать'; *žádat* 'просить, требовать'.

Как показывает материал, в современном чешском речепотреблении, как и в современном русском, около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму I л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Žádám náhradu škody!*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Radím otevřeně mluvit o všem, co se týká dětí a rodičů*), либо оформленное кондиционалом / сослагательным наклонением придаточное предложение (*Vyzývám vás, abyste se okamžitě rozešli!*), либо существительное (*Dámy a pánové, prosím o pozornost*). При этом употребительность той или иной модели в чешском и русском языках будет неодинаковая: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речепотребления более узуальной является модель с инфинитивом.

В текстах SYN2000 в составе данных трех типов перформативных конструкций нами были обнаружены формы следующих перформативных глаголов: *doporučovat* (515 употреблений); *prosít* (497); *nabízet* (325); *žádat* (189); *navrhovat* (133); *radit* (40); *vyzývat* (35); *přimlouvat se* (33); *varovat* (23); *schvalovat* (18); *zakazovat* (16); *nařizovat* (11); *zapřísahat* (11); *požadovat* (11); *volat* (8); *vyprošovat si* (7); *poroučet* (2); *ukládat* (3); *vybízet* (1); *zapovídat* (1); *připomínat* (1).

Лидирующий (наравне с глаголом *doporučovat*) по употребительности среди чешских перформативных глаголов глагол *prosít* способен употребляться также и в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения с союзом *zda*, ср.: *Proto Vás prosím, zda byste mohli potvrdit psaní velkých písmen v následujících názvech ulic...*<SYN2000>.

Чешские глаголы *nabízet, upozorňovat, varovat* способны образовывать эксплицитные перформативные побудительные высказывания, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения, присоединенного к «модусной» части с помощью изъяснительного союза, а именно чешского союза *že*, ср.: *V případě odnesení z prodejních důvodů nabízím, že po telefonické dohodě obraz odkoupím* <SYN2000>; *Upozorňuju tě, že kdybych umřel a ty ses pak mazlila s někým jiným, tak bych vás chodil strašit!* <SYN2000>; *Varuji tě, že zítra přijdu.* <SYN2000>.

Особенностью высказываний данного типа является то обстоятельство, что каузируемое действие не *эксплицитируется* «диктумом», а *имплицитируется* им. Кроме того, очевидно, что речь идет о гибридных речевых актах, совмещающих в себе признаки директивов и комиссивов – одним и тем же речевым актом говорящий не только побуждает собеседника к некоторому действию, но и берет на себя некоторые обязательства.

В современном чешском языке, как и в современном русском, представлены глаголы, способные образовывать побудительные эксплицитные перформативные высказывания, «модусная» часть которых содержит в себе (полностью или частично) и «диктумное» значение. Речь идет о чешских глаголах *omlouvát se, zvat, volat* и лексически соотносительных с ними русских глаголах *извиняться, призывать, вызывать, звать*.

Наиболее характерными в этом плане являются конструкции с чешским возвратным глаголом *omlouvát se* и русским возвратным глаголом *извиняться*. Выражая *извинение* – социально значимый подтип *просьбы*, эксплицитные перформативные конструкции типа чешск. *omlouvám se* и русск. типа *я извиняюсь* явно соотносятся с рассмотренными выше эксплицитными перформативными моделями типа чешск. *prosím, abyste mě omluvil; prosím za odpuštění / prominutí* и русск. *прошу меня простить / извинить; прошу прощения / извинения*. При этом стилистическая значимость подобных конструкций в сопоставляемых языках неравная. В русском речепотреблении конструкции с формой *извиняюсь* характерны, как правило, для стилистически сниженного способа выражения, в речепотреблении же чешском подобные конструкции стилистически нейтральны.

Прочие глаголы данной группы (чешские глаголы *zvat, volat* и русские глаголы *призывать, вызывать, звать*) используются в составе побудительных эксплицитных перформативных конструкций довольно редко и характерны практически исключительно для подчеркнуто официального общения, ср.: „*Ve jménu krále,*“ *opakoval vůdce,* „*zvu tebe, Jene ze Smojna, před soud nejjasnějšího císaře a krále!*“ (P. Chocholoušek. Jan Pancéř); *Občané a občanky, drazí přátelé! Volám vás všechny k bdělosti a pohotovosti!* (J. Procházka. Hon na lišku).

В рассмотренных выше высказываниях «диктумное» значение проникло в «модусную» часть эксплицитного перформативного высказывания. Однако в обоих сопоставляемых языках возможно и альтернативное перераспределение «диктумного» и «модусного» значений. Речь идет о довольно распространенных и традиционно рассматриваемых в общей массе эксплицитных перформативных высказываний случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо иначе, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

Рассмотренные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речепотребления, чем для русского.

Как показывают обнаруженные нами в текстах SYN2000 примеры, наиболее узуальной (342 примера из 494) является трансформация *индикатив* → *кондиционал* перформативного глагола (которая может сопровождаться его перфективацией).

Поскольку в современном чешском языке, как и в современном русском, подобные трансформации могут рассматриваться в качестве показателя формальной вежливости, в конструкциях рассматриваемого типа уместны лишь формы «неавторитарных» перформативных глаголов, ср. обычность сочетаний *prosil bych..., doporučoval bych..., radil bych...; chtěl bych požádat / poprosit; я бы (no)просил / (no)рекомендовал / (no)советовал*, но не сочетаний **я бы приказал, *я бы хотел приказать*.

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа чешск. *zakazuji, abyste mi tykal* → *zákaz tykáni* и русск. *я предлагаю осмотреть гараж* → *есть предложение осмотреть гараж, прошу закрывать за собой дверь* → *просьба закрывать за собой дверь*.

Раздел 2.4. посвящен периферийным иллокутивно специализированного побуждения. В современном чешском языке, как и в современном русском, побудительные высказывания, способные интерпретироваться в качестве скрытых перформативов, можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (*Stát! ← Prikazuji: Stát!*) и высказывания, глагольной формы не содержащие (*Ven! ← Prikazuji: Ven!*). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных

высказываний без императивной формы¹⁷, которая опирается на формальные критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа.

В текстах SYN2000 среди иллокутивно маркированных побудительных высказываний инфинитивные конструкции нами обнаружены также только в «авторитарном» массиве, ср.: *Přistoupil k tanku a zavelel: "Osádko – vysednout!"*; *Vyskočil, <...>, podal spolucestujícímu baterku a poručil: "Svítit!"*; *"Zaostřit," přikázal Barnes; "Sednout," rozkázal; Tak soudruh Stalin nařídil: Sebrat!*

Скрытые перформативы второго типа (не содержащие глагольной формы) также нередко эксплицируют категорическое побуждение и свободно сочетаются со скрытыми перформативами первого типа, однако достаточно обычно и их использование для выражения побуждения, которое не маркируется не как «авторитарное», ср. некоторые примеры из SYN2000 с интерпретирующими каузативами *zapřísahat, prosit, žádat, vyzývat, poradit, varovat, upozornit*: *"Jen do toho, "zapřísahal všechny a všichni se do toho opravdu pustili; "Rychle, rychle, proboha!" prosil Tortorici; "Rezoluci!" žádali ze všech stran; "Odvalu!" vyzýval; "Do ramene," poradila Beth; "Klid," varoval Norman; "Výtah, Victorie!" upozornil ji náhle Archie, až ji vylekal.*

В высказываниях этого типа в той или иной степени «скрытым» может оказаться не только характер побуждения (просьба, приказ, совет), но и его пропозициональное содержание, что требует от слушающего (= исполнителя прескрипции) дополнительных усилий.

На периферии группы высказываний рассматриваемого типа находятся номинативные высказывания типа *Волна! Машина!*, способные, по нашему мнению, интерпретироваться как эллиптические эквиваленты перформативных высказываний типа *Я предупреждаю тебя (вас), что приближается волна / машина*. В отличие от высказываний типа *Стоять! Воды! Спокойно! Минутку!* подобные высказывания не эксплицируют каузируемое действие (объект действия, условия его протекания и т. д.), а лишь называют причину, вследствие которой совершение имплицитного данным высказыванием действия необходимо.

В качестве скрытых побудительных перформативных высказываний могут рассматриваться и высказывания с побудительными междометиями.

В разделе 2.5. рассматриваются конструкции, специфицированные для выражения побуждения через экспликацию каузируемого действия – конструкции с формами индикатива и кондиционала. При этом немалую роль

¹⁷ Ср. Типология императивных конструкций / Под ред. Храковского В. С. – СПб.: Наука, 1992. – С. 9-10.

играет оформление побуждения вопросительной или невопросительной конструкцией, а также наличие или отсутствие отрицания.

Использование в побудительных речевых актах невопросительных конструкций с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива в абсолютном большинстве случаев можно рассматривать как демонстрацию говорящим отсутствия у него малейших сомнений в том, что каузируемое действие будет выполнено. В текстах SYN2000 среди иллокутивно маркированных побудительных высказываний рассматриваемые конструкции нами обнаружены прежде всего в «авторитарном» массиве, ср.: *"Výborně se to podařilo!" zašeptal Fabio a velel banditům: "Ty se budeš modlit a zpívat, jako kněz nad hrobem. A ty budeš plakat!"; "Zůstaneš tady!" poručila jí Colleen; "Tyto lidi okamžitě zadržte," přikázal mu Verkramp; "Na příští zabočíte!" rozkázal jsem; "Vy dva pojedete se mnou domů," úsečně nařídil otec.*

Зато вопросительные конструкции с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива используются именно в «неавторитарных» побудительных высказываниях, ср.: *Nevezmete si s námi kotletku? nabízel pan Kryštof <SYN2000>; "Nezajdete se na něho podívat?" navrhl jsem. <SYN2000>; "Neřekneš to nikomu?" prosil. <SYN2000>.*

При этом в отличие от русского языка, в котором подобные высказывания оформляются, как правило, конструкцией с отрицанием, для чешского речеупотребления достаточно обычны конструкции без отрицания, ср.: *"Dáte si kávu?" nabídla Amanda. <SYN2000>; Vyzval ji: "Dáš si se mnou?" <SYN2000>; "Přijdete zítra na hon, že ano?" prosila, když komandant vystoupil <SYN2000>; "Vezmeš si je, vid'?" zaprosil. <SYN2000>*

Специфической особенностью чешского речеупотребления является возможность использования презентно-футуральных индикативных форм 1 лица ед. числа для экспликации категорического побуждения (прежде всего воинского *приказа*) 2 лица, ср.: *"Baštím a nebavím se," křičel svobodník a loupal kolem sebe očima. (M. Švandrlík. Černí baroni aneb válčili jsme za Čepičky).*

Между русским сослагательным наклонением и генетически коррелирующим с ним чешским кондиционалом много общего. Весьма показательными являются случаи обозначения явлений обоих языков в работах сопоставительного характера каким-то одним из этих двух терминов, будь это термин *кондиционал*, или термин *сослагательное наклонение*. Носитель чешского языка обращается к кондиционалу гораздо чаще, чем носитель русского – к сослагательному наклонению, и эта отмечаемая в сопоставительных исследованиях закономерность сохраняется и в сфере высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения: употребительность чешского кондиционала существенно выше употребительности русского сослагательного наклонения в составе перформативных высказыва-

ний, в составе конструкций, выражающих побуждение через экспликацию необходимости или возможности каузируемого действия, через экспликацию его полезности, либо через экспликацию волеизъявления прескриптора данного действия. Бóльшая употребительность кондиционала налицо и в сфере оформленных кондиционалом / сослагательным наклонением независимых побудительных высказываний.

Рассматривая возможность использования оформленных сослагательным наклонением / кондиционалом вопросительных конструкций в побудительных высказываниях в современных чешском и русском языках, следует отметить следующее немаловажное межъязыковое различие.

В современном русском речеупотреблении в составе побудительных высказываний оформленные сослагательным наклонением вопросительные конструкции ощутимо менее узуальны, чем соответствующие конструкции с индикативом, ср.: *Ты не зашел бы туда? :: Ты не зайдешь туда?* При этом, как и в рамках индикатива, для выражения побуждения используется конструкция с отрицанием, тогда как конструкция без отрицания специфицирована для выражения именно вопроса, а не побуждения, ср.: *Ты зашел бы туда? Ты зайдешь туда?*

В современном же чешском речеупотреблении в составе побудительных высказываний, оформленных вопросительной конструкцией, кондиционал используется гораздо активнее индикатива (по данным SYN2000 почти в 2,5 раза активнее), при этом речь идет прежде всего о конструкциях без отрицания, ср.: *Ukázal jsem na ni a vybidl Nicka: "Ujal by ses vedení?"* <SYN2000>; *Vypnul byste prosím motor?" požádal ho.* <SYN2000>; *Dala by sis kávu?" nabídl Robert.* <SYN2000>

Оформленные кондиционалом вопросительные конструкции с отрицанием также возможны, однако менее узуальны – среди представленных в текстах SYN2000 примеров рассматриваемого типа с интерпретирующим предикатом их почти в 10 раз меньше, чем без отрицания.

В разделе 2.6. рассматривается побуждение через экспликацию последствий каузируемого действия, что может рассматриваться как усиление категоричности, ср.: *Až do zazvonění zde bude absolutní klid!* (V. Erben. Blázpova smrt).

В определенной степени говорить об экспликации последствий каузируемого действия можно и применительно к русским примерам типа *А ну, поднялся!* (актуализуется перфектная семантика эловых форм: 'поднялся' = 'являющийся поднявшимся').

В разделе 2.7. рассматривается побуждение через квалификация того или иного действия (поведения) агенса как необходимого (ненеобходимого) или возможного (невозможного), что обусловлено присутствием сем необходи-

мости и / или возможности в смысловой структуре побудительного высказывания.

В чешском языке, как и в русском, группы модальных модификаторов необходимости и возможности объединяют различные по своим морфологическим характеристикам единицы. Так, русский язык располагает модальными глаголами *мочь* и *сметь*, прилагательными *должен*, *вынужден*, *принужден*, *обязан*, *нужен*, *необходим*, предикативными наречиями (словами категории состояния) *можно*, *нельзя*, *нужно*, *надо*, *необходимо*, *положено*, *пора*, глаголами и сочетаниями *следует*, *полагается*, *стоит*, *не мешает*, *надлежит*, *приходится/придется*, существительными *долг*, *обязанность*, *право*, некоторыми устойчивыми оборотами типа *имеет смысл*, *есть необходимость* и т. д. Группы семантически и функционально соотносительных чешских модальных модификаторов столь же разнородны, ср. *muset*, *moci*, *smět*, *mít*, *potřebovat*, *lze*, *dá se*, *jde [to zařídit]*; *je (bylo, bude) nutno (nutné)*, *třeba (potřeba, potřebné)*, *nezbytné*, *možno (možné)*, *žádoucí*, *záhodno (záhodné)*, *radno*, *dlužno*, *vhodné*, *náležitě*, *slušné*, *čas*; *být nucen*, *povinen*; *mít možnost*, *právo*, *povinnost*, *za úkol*, *potřebu*; *sluší se / slušelo by se*, *hodí se / hodilo by se*, *patří se/patřilo by se*, *stojí za to / stalo by za to* и т. д.

При этом, однако, узуальная употребительность тех или иных разрядов модальных модификаторов в сопоставляемых языках различна. Для выражения постулативного долженствования или постулативной возможности чех использует прежде всего конструкции с модальными глаголами *muset* 'быть должным, обязанным', *moci* 'мочь', *smět* 'сметь', *mít* 'иметь' с отрицанием и без него, тогда как носитель же русского языка обращается прежде всего к неспрягаемым модификаторам (*не*) *должен*, (*не*) *надо*, *можно*, *нельзя*.

В разделе 2.8. рассматривается побуждение через экспликацию полезности каузируемого действия. Обращение к данному средству формирования побудительного высказывания закономерно для экспликации *совета* или *предостережения*, хотя естественно, что специфицированность данного средства для экспликации совета или предостережения не исключает его использования для выражения *просьбы*, *приказа*, *требования* и т. д. (в подобных случаях речь будет идти о транспозиции *совет* → *просьба*, *совет* → *требование*, *совет* → *приказ* и т. д.).

Раздел 2.9. посвящен выражению побуждения через экспликацию волеизъявления прескриптора.

Подобно тому, как постулативное долженствование или постулативная возможность могут рассматриваться в качестве зон пересечения функционально-семантических полей долженствовательности и императивности либо возможности и императивности, в ряде случаев следует говорить о зоне пересечения функционально-семантических полей императивности и оптативности.

В современном русском речепотреблении основным модальным глаголом волеизъявления является глагол *хотеть*, он стилистически нейтрален, тогда как глагол *желать* стилистически маркирован. В чешском же речепотреблении соотношение конструкций с глаголами *přát (si)* и *chtít* более ровное. Так, в нашем материале число конструкций с *chtít* хотя и превышает число конструкций с *přát (si)*, но не в десять раз (соотношение конструкций с глаголами *хотеть* и *желать* в нашем русском материале), а лишь в полтора раза.

Специфической особенностью чешского речепотребления является большая употребительность в составе высказываний рассматриваемого типа конструкций с кратким прилагательным *rád, -a, -i, -y*, оформленные кондиционалом. В нашем материале конструкции с *rád* содержатся почти в половине желательно-побудительных высказываний, ср.: *Rád bych se vámi o něčem pohovořil.* (V. Erben. Poklad byzantského kupce).

В разделе **2.10.** рассматривается побуждение в рамках устаревших этикетных форм обращения – так называемых «ониканья» и «онканья», которые, уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.

В **третьей главе** «Инклюзивное побуждение в современном чешском языке» рассматриваются конструкции с формами синтетического и аналитического императива, перформативные конструкции, конструкции с формами индикатива.

Раздел **3.1.** посвящен императивным инклюзивным конструкциям. Парадигма чешских синтетических императивных форм включает в себя, помимо форм 2 л. *piš* (НСВ), *napiš* (СВ) и мн. ч. *pište* (НСВ) *napište* (СВ), парадигматические формы 1 лица мн. ч., у большинства глаголов не омонимичные соответствующим презентно-футуральным формам индикатива (ср. *pište*, (НВС), *napište* (СВ) – императивные формы, *pišeme*, (НВС), *napišeme* (СВ) – индикативные). Именно конструкции с этими императивными формами и являются основным средством экспликации инклюзивного побуждения в современном чешском речепотреблении.

Русские аналоги типа *пойдёмте!* непарадигматичны и игнорируются, как правило, нормативными грамматиками, хотя сама возможность образования подобных форм сохраняется в сознании носителей языка и в принципе может быть реализована. Отметим, что авторитетные отечест-

венные лингвисты продолжают включать формы типа *spoёмте* и *будемте петь* в парадигму русского императива¹⁸.

В качестве аналитической императивной формы в современном чешском языке может рассматриваться конструкция *at' + презентно-футуральная форма индикатива 1 лица мн. числа*, способная выражать инклюзивное побуждение (184 примера в SYN2000), ср.: *Jo, at' jedeme zpátky," řekl kapitán Fereira.*

Конструкция *necht' + презентно-футуральная форма индикатива 1 лица мн. числа* встречается в выражающих инклюзивное побуждение высказываниях существенно реже (3 примера в SYN2000 и 5 в SYN2005), однако также возможна, ср.: *Necht' své touhy zamíříme vzhůru, neboť otcina je tam, kde je náš Otec.* <SYN2005>.

Инклюзивное побуждение могут выражать также конструкции *pojd'(te) + инфинитив*, рассмотренные во второй главе. Конструкция *pojd'me + инфинитив* специализирована для выражения именно инклюзивного побуждения (250 примеров в SYN2000 и 444 в SYN2005), ср.: *Pojd'me se bavít o něčem jiném, nebo mi ten Lad'a ještě vleze na mozek.* <SYN2005>.

В разделе **3.2.** рассматриваются эксплицитные перформативные конструкции, обращение к которым при выражении инклюзивного побуждения для современного чешского речеупотребления не характерно. В текстах SYN2000 подобные примеры немногочисленны, причем речь идет лишь о перформативных глаголах *navrhovat, doporučovat, prosit, přimlouvav se.*

В составе выражающих инклюзивное побуждение эксплицитных перформативных конструкций с трансформированной «модусной» частью нами обнаружены формы глаголов *poprosit, doporučovat, přimlouvav se, upozornit, navrhnout, navrhovat, doporučit, poradit, radit, varovat,* однако речь идет о единичных примерах.

В разделе **3.3.** рассматриваются презентно-футуральные (футуральные) формы 1 л. мн. ч. индикатива, обращение к которым является наиболее узуальным способом экспликации инклюзивного побуждения в современном русском речеупотреблении и достаточно употребительным (стоящим на втором месте после использования конструкций с синтетической императивной формой 1 л. мн. числа) в речеупотреблении чешском.

В **четвертой главе** «Побуждение „третьего лица“ в современном чешском языке» рассматриваются конструкции с формами императива и перформативные конструкции.

¹⁸ Ср. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 198.

Раздел 4.1. посвящен императивным конструкциям, образующим иллюкутивно универсальные побудительные высказывания «третьего лица».

Данные электронных корпусов SYN2000 и SYN2005 говорят об очень высокой употребительности конструкции *at'* + *презентно-футуральная форма индикатива 3 лица*, которая вполне сопоставима с употребительностью парадигматических форм синтетического императива. Именно эти аналитические императивные конструкции формируют, вместе с соответствующими эксплицитными перформативными конструкциями, ядро третьей центральной подкатегории функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке.

Конструкции *necht'* + *презентно-футуральная форма индикатива 3 лица* стилистически маркированы как относящиеся к торжественно-патетическому способу выражения, ср.: *Pravím, voláme je k odpovědnosti: necht' jsou žalováni z vraždy, necht' jsou pohnáni před válečný soud pro vlastizradu, necht' se vyšetří, kolik dostali od zbrojařů za to, že zásobují mořské kanály zbraněmi proti civilizovanému lidstvu!* <SYN2000>. Их употребительность на порядок уступает употребительности конструкций с *at'*, но все же достаточно велика – нами обнаружено 928 подобных примеров в SYN2000 и 1331 в SYN2005.

В чешских текстах, так и в текстах русских, мы можем встретиться с фразеологизованными сочетаниями типа чешского *Pomáhej Pán Bůh! Vem to čert!* или русского *Дай Бог! Чёрт возьми!*, которые, употребляясь прежде всего как средство экспликации наплыва эмоций либо в качестве этикетных формул, способны тем не менее в определенных контекстах функционировать именно в качестве побудительных, ср., например: *Však soudruh jeho bídný / ku nemocnému zrak obrátil vlídný / a pravil: "Bratře, vstaň, Bůh dej ti zdraví!" / V té chvíli rostla zář mu kolem hlavy, / on rostl v ní. Odešel chorý s plesem, <...>* (J. Vrchlický. Šimon kouzelník).

К сожалению, в текстах SYN2000 в качестве форм 3 лица (как единственного, так и множественного числа) оказались помеченными формы с финалью *-(i)ž*, которая сама по себе лицо не определяет (в стилизованных «под старину» художественных текстах ею снабжаются императивные и индикативные формы всех трех лиц), так что достоверными статистическими данными по ним мы не располагаем. Однако следует сказать, что примеры рассматриваемого типа единичны, если не считать относительно употребительной формы *budiž* в составе высказываний, выражающих «согласие» – речевой акт, близкий «разрешению»; в текстах SYN2000 мы обнаружили около 900 примеров подобного употребления формы *budiž*, ср.: *Budiž, souhlasil král a zase šlehl ocasem dvakrát o podlahu, čímž byli přivoláni Princ Hermelín a pan Čapkočka.* <SYN2000>.

Наконец, иллокутивно универсальное побуждение «третьего лица» может быть выражено конструкциями *bud'(iž) / bud'te(ž)* + краткое страдательное причастие, *ať* + индикатив наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие, *necht'* + индикатив наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие, рассмотренные во второй главе.

В разделе 4.2. рассматривается иллокутивно специализированное побуждение «третьего лица». В то время как для инклюзивного побуждения обращение к выражающим иллокутивно специализированное побуждение эксплицитным перформативным конструкциям, как было показано выше, не характерно, в рамках побуждения «третьего лица» речь идет о вполне употребительном средстве.

При этом наиболее употребительными в целом являются те же перформативные глаголы *prosit, žádat, navrhovat, doporučovat*, что и в случае с побуждением «второго лица».

В **Заключении** формулируются основные выводы в соответствии с задачами исследования и положениями, выносимыми на защиту.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Монографии и статьи в ведущих рецензируемых научных журналах

1. *Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И., Широкова А.Г.* Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков [раздел «К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках»] / Под ред. *А.Г. Широковой*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 326 с. – 20,5/3,5 п. л.
2. *Изотов А.И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). – М.: Филология, 1998. – 112 с. – 7 п.л.
3. *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским / Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – Brno: L. Marek, 2005. – 274 с. – 17 п.л. [Опубликованные рецензии: *Kolářová Ivana*. Andrej Ivanovič Izotov, Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie / Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским (recenze) // *Bohemistyka*. Raciborz: Pro + PWSZ v Raciborzu (Poland), 2006, VI, № 1. – S. 71-74; *Васильева В.Ф.* Фундаментальное исследование чешского императива // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. – М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. – С. 101-103; *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским = Česká a ruská výzva ja-

ko funkčně sémantická kategorie / Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Brno: L. Marek, 2005. 270 s. (Pontes Pragenses, v. 37) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2007. № 1. С. 158-162; *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Реф. на кн.: Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским = Izotov A. Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie / Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Brno: L. Marek, 2005. 270 s. (Pontes Pragenses, v. 37) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание. 2007. № 1. С. 121-125.]

4. *Изотов А.И.* Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания // **Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2002. № 2.** – С. 208-211. – 0,25 п.л.
5. *Изотов А.И.* Ономазиологически ориентированная модель структуры функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // **Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2005. № 5.** – С. 76-88. – 0,8 п.л.
6. *Изотов А.И.* Чешская и русская национальные картины мира и проблемы побудительной модальности // **Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом.** – М., 2006. № 5 (21). С. 65-74. – 0,8 п.л.
7. *Изотов А.И.* Совет в чешской и русской национальных картинах мира // **Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом.** – М., 2006. № 7 (23). С. 41-45. – 0,4 п.л.
8. *Изотов А.И.* Концептуализация приказа в чешском и русском языковых пространствах // **Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом.** – М., 2006. № 8 (24). С. 64-74. – 1,0 п.л.
9. *Изотов А.И.* Грамматика и корпус // **Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2006. № 3.** – С. 215-219. – 0,25 п.л.
10. *Изотов А.И.* Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // **Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2007. № 3.** – С. 47-63. – 1,0 п.л.

Статьи и сообщения в прочих изданиях

11. *Изотов А.И.* Императивность в комплексе модальных категорий // Русский филологический вестник. – М., 1995. № 2. – С. 57-63. – 0,4 п.л.
12. *Изотов А.И.* К вопросу о побуждении третьего лица // Русский филологический вестник. – М., 1995. № 2. – С. 65-69. – 0,3 п.л.

13. *Изотов А.И.* Социально значимые разновидности побуждения к действию // *Язык и мир его носителя.* – М.: МАЛП, 1995. – С. 34-42. – 0,6 п.л.
14. *Изотов А.И.* Категориальная императивность в чешском и русском языках // *Язык и мир его носителя.* – М.: МАЛП, 1995. – С. 95-101. – 0,5 п.л.
15. *Изотов А.И.* О так называемом синтаксическом императиве // *Русский филологический вестник.* М., 1996. № 1. – С. 77-83. – 0,4 п.л.
16. *Изотов А.И.* Побуждение в коммуникативном контексте // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике.* М.: Московский лицей, 1996. [Вып. 1]. – С. 5-78. – 4,5 п.л.
17. *Изотов А.И.* Неспецифицированное побуждение как элемент языковой культуры // *Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ.* – М.: МААЛ, 1996. – С. 243-248. – 0,4 п.л.
18. *Изотов А.И.* К функциональной соотносительности парадигм чешского и русского императива // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике.* – М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 9-23. – 0,9 п.л.
19. *Изотов А.И.* О перформативном побуждении в чешском и русском языках // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике.* М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 24-48. – 1,6 п.л.
20. *Изотов А.И.* Побудительные высказывания с именным перформативным предикатом // *Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей.* – М.: МАЛП, 1996. – С. 76-83. – 0,5 п.л.
21. *Изотов А.И.* Экспликация инклюзивного побуждения в чешском и русском языках // *Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей.* – М.: МАЛП, 1996. – С. 84-106. – 1,5 п.л.
22. *Изотов А.И.* Побудительное высказывание в тексте (к постановке проблемы) // *Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Тезисы международной конференции. МГУ.* – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – С. 109-110. – 0,1 п.л.
23. *Изотов А.И.* Побудительность и императивность // *Терминоведение.* – М., 1996, № 1-3. – С. 118-120. – 0,2 п.л.
24. *Изотов А.И.* Автопрескрипция в чешском и русском языках // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике.* – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 21-34. – 0,9 п.л.
25. *Изотов А.И.* Чешские «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике.* – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 35-55. – 1,3 п.л.

26. *Изотов А.И.* О смысловых интерпретациях побудительных высказываний // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 52-95. – 2,8 п.л.
27. *Изотов А.И.* Чешский кондиционал vs русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С. 181-191. – 0,7 п.л.
28. *Изотов А.И.* Адхибитивность и прохибитивность // Терминоведение. – М., 1997. № 1-3. – С. 77-80. – 0,2 п.л.
29. *Изотов А.И.* О двух аналитических императивных конструкциях в современных чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 78-95. – 1,1 п.л.
30. *Изотов А.И.* Тематизация полезности / неполезности как средство формирования побудительного высказывания // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 96-102. – 0,4 п.л.
31. *Изотов А.И.* О постулативном долженствовании и постулативной возможности // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 134-140. – 0,4 п.л.
32. *Изотов А.И.* Оптативность и побудительность // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 141-144. – 0,25 п.л.
33. *Изотов А.И.* О лингвистическом механизме так называемой «некатегориальной императивности» // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 5. – С. 141-146. – 0,3 п.л.
34. *Изотов А.И.* Заповедь, наказ и повеление, или о трех русских маргинальных побудительных интерпретациях // Терминоведение. – М., 1998. № 1-3. – С. 109-111. – 0,2 п.л.
35. *Изотов А.И.* Есть ли в чешском языке «страдательный императив»? // Терминоведение. – М., 1998. № 1-3. – С. 111-112. – 0,1 п.л.
36. *Изотов А.И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 3. – С. 52-66. – 1,0 п.л.
37. *Изотов А.И.* О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 4. – С. 124-128. – 0,3 п.л.
38. *Изотов А.И.* Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 5. – С. 97-100. – 0,25 п.л.

39. *Изотов А.И.* Ономазиологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. – С. 72-78. – 0,4 п.л.
40. *Изотов А.И.* Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 14. – С. 55-63. – 0,5 п.л.
41. *Изотов А.И.* Об иллюкативно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 15. – С. 62-70. – 0,5 п.л.
42. *Изотов А.И.* Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 16. – С. 23-31. – 0,5 п.л.
43. *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория побуждения как фрагмент русской и чешской языковых картин мира // *Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 73. – 0,1 п.л.
44. *Изотов А.И.* Структура функционально-семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках // *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 40-42. – 0,2 п.л.
45. *Изотов А.И.* Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. – С. 8-23. – 1,0 п.л.
46. *Изотов А.И.* К вопросу об аналитическом императиве 2-го лица в современном чешском языке // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. – С. 58-68. – 0,5 п.л.
47. *Изотов А.И.* Аналитический императив в современном чешском языке // *Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции.* – М.: Филологический факультет МГУ, 2003. – С. 88-90. – 0,1 п.л.
48. *Изотов А.И.* Об одном грамматическом германизме в современном чешском языке: «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // *Славянский вестник: К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой.* – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 132-140. – 0,5 п.л.

49. *Изотов А.И.* Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 27. – С. 56-65. – 0,5 п.л.
50. *Изотов А.И.* Модель структуры функционально-семантической категории императивности как *tertium comparationis* при межъязыковом сопоставлении // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции (Оренбург, 4-5 ноября 2004 г.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2004. – С. 156-159. – 0,2 п.л.
51. *Изотов А.И.* Квантитативные аспекты описания функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Квантитативная лингвистика: исследования и модели. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 122-136. – 0,7 п.л.
52. *Изотов А.И.* Чешский императив и императивность // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. – С. 164-167. – 0,25 п.л.
53. *Изотов А.И.* Иллокутивные интерпретации побудительного высказывания // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – С. 39-46. – 0,5 п.л.
54. *Andrej Izotov.* Zkoumání funkčně sémantické kategorie výzvy v současné češtině pomocí ČNK // Conference Grammar & Corpora (23.-25.11.2005). Abstracts. – Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005. – S. 34-35. – 0,1 п.л.
55. *Изотов А.И.* Семантико-прагматическое картирование императивности современным русским языком // Язык, культура, менталитет: Материалы IV Международной научно-практической конференции 13-15 апреля 2005 г. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 25-27. – 0,2 п.л.
56. *Изотов А.И.* Структура функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // III Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы В 2 т. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. Т. 2. – С. 56-58. – 0,2 п.л.
57. *Изотов А.И.* Об особенностях семантико-прагматического картирования императивности чешским и русским языками // Классический университет в российском образовательном пространстве (к 90-летию Пермского государственного университета): Материалы международной научно-методической конференции. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2006. – С. 171-172. – 0,2 п.л.
58. *Изотов А.И.* Иллокутивные глаголы как маркеры директивности в письменном тексте (на материале чешского языка) // Проблема текста в

гуманитарных исследованиях: Материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года / Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Издатель Савин С.А., 2006. – С. 66-68. – 0,2 п.л.

59. *Изотов А.И.* Еще раз о транспозиции наклонений: чешский кондиционал и русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Изд-во ГОУ ОГУ, 2006. – С. 300-304. – 0,25 п.л.
60. *Изотов А.И.* Особенности семантико-прагматического картирования действительности русским и чешским языками // Русский язык: система и функционирование: Материалы III Международной научной конференции (Минск, 6-7 апреля 2006). В 2-частях. – Минск: РИВШ, 2006. Часть II. С. 37-40. – 0,2 п.л.
61. *Изотов А.И.* Чешские «ониканье» и «онканье» как реликт чешско-немецкого двуязычия и как проблема перевода // Проблемы современной филологии в вузовском образовании: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. И. Б. Ворожцова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006. – С. 454-461. – 0,5 п.л.
62. *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современных чешском и русском языках // Славистички студии. 12: На проф. Р. П. Усикова по повод нејзината 70-годишнина / Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Филолошки факултет «Блаже Конески». – Скопје, 2006. – С. 69-83. – 1,0 п.л.
63. *Izotov A.*, Funkčně-sémantická kategorie výzvy v současné češtině a Český národní korpus // Gramatika a korpus / Grammar & Corpora 2005 / *Štícha F., Šimandl J.* (Eds.). – Praha: ÚJČ AV ČR, 2007. – P. 112-121. – 0,8 п.л.
64. *Изотов А.И.* Национальные картины мира и проблемы межъязыковой эквивалентности в области побудительной модальности // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы IX Российско-американской научно-практической конференции 15-17 мая 2006 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 263-267. – 0,4 п.л.
65. *Изотов А.И.* «Ониканье», «онканье» и императивность // *Rýžoviště zlata a doly drahokamů: Sborník pro Václava Huňáčka / Sestavili Věra Lendělová a Michal Řoutil.* – Praha: Pavel Mervart, Univerzita Karlova, 2006. – S. 417-430. – 0,5 п.л.